

АКСАНА ХАЛВИЦКАЯ

СИНОПСИС О САПИЕНСАХ

Формаслов

Москва

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Х17

Х17 Халвицкая Аксана

Синопис о сапиенсах / А. Халвицкая. — М.: Формаслов, 2021. — 114 с.

ISBN 978-5-6045425-3-8

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

«Синопис о сапиенсах» — это пазл, который складывается из миниатюр, верлибров и коротких рассказов в единую композицию. Каждый текст здесь — обращенный к читателю эксперимент, приглашающий к размышлению: а что же на самом деле происходит в этой игре, в которую мы все играем? Кем мы являемся — живыми персонажами или всего лишь разумными программами, выполняющими определенный набор действий?

Произведения-загадки Аксаны Халвицкой стирают границы реальности и становятся картой к поиску себя. Сатирические интонации переворачивают обыденные истории с ног на голову, а лирические зарисовки создают ощущение невесомости.

ISBN 978-5-6045425-3-8

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© А. Халвицкая, текст, 2021
© О. Редькина, дизайн обложки, 2021
© Формаслов, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели, настоятельно советую подготовиться и пристегнуть ремни! Потому что в этой с виду совсем небольшой книге вам скоро встретится целый Клондайк жанров, экспериментов и смелых авторских решений. Лаконичные рассказы, прозапоэтические миниатюры, классические и свободные стихи не просто чередуются, но составляют удивительную мозаику единого замысла. Первая часть книги задумана как более социальная, а местами даже сатирическая поэзия и проза, во второй же куда более важными становятся любовные отношения и поиск себя в этом бушующем мире. Неустанное стремление к порой странному, непривычному, но такому долгожданному счастью.

С первой страницы становится очевидно, что Аксане Халвицкой интересна современность и в культурном, и в историческом контексте. Она пристально вглядывается в нее, стремясь в краткой форме обнаружить и зафиксировать все самое важное. Автор тяготеет к иронической стилизации, видит и показывает комичные стороны своих персонажей — маленьких людей (порой и не только людей: здесь действуют, например, неписи, которые наряду с «героями» вынесены в заголовок первой части книги), затерянных в огромном городе или в интер-

нет-пространстве. Находится здесь место и самоиронии:

«– Голая на пикет не пойду! – на всякий случай предупредила я революционерку.

– Слабачка! – констатировала Марьяшка. – Тащи скорей фломастеры.

Следующий час я провела, склеивая провокационные плакаты».

Но при этом писательский взгляд Аксаны Халвицкой способен проникать куда глубже, чем привычные юмор или сарказм:

«Мартышка как будто все время этого ждала, и прямо в глаза ему заглянула своими блестящими карими глазками, и не просто посмотрела, а будто теплым одеялом укутала, совсем не звериный-то взгляд был, а человеческий, женский даже». Вот всего один из целого ряда точных, ярких и самобытных образов. Уверен, что эта книга станет не только важным этапом для автора, но и запомнится всем читателям чередой увлекательнейших художественных открытий.

Александр Евсюков,
прозаик, критик

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПОВЕСТВУЮЩАЯ О НЕПИСЯХ
И ГЕРОЯХ**

ИГРОКИ

— Всамделишный игрок — зверь диковатый, редкостный. Что там чужих — близких к себе не подпускает. Понимает собака, кто ее хочет съесть, понимает и тех, кто пришел любоваться процессом съедения, — бродяга почесал седеющую бороду и глотнул зелья. Ягоды барбариса бросились врассыпную, увертываясь — кто быстрее — от дрейфующих по кружке лимонных долек. Бергамотный дух перетек на мой край стола. — Ты игроков-то встречала?

— Еще б не встречала! — Я жадно втянула запах вызревающей истории. — С месяц назад приехал один такой зверь в клешах. С гитарой по сцене прыгал.

— Музыкант, значит?

— Virtuoz!

— А почему знаешь, может, непись¹? — Едва уловимое движение, и тяжелые стальные браслеты расплзлись в стороны, обнажая скалящуюся на предплечье тигриную морду.

Я улыбнулась шедевру татуировщика, но тему не перевела.

— И что же это за существа такие — неписи?

Он дождался, пока вопрос отскочит от полированной поверхности стола, от пола, по-

---

1 Непись (сокр. NPC от англ. Non-Player Character — «персонаж, управляемый не игроком») — персонаж в играх, который не находится под контролем игрока. В компьютерных играх поведение таких персонажей определяется программно.

крытого пеплом и жухлыми листьями, дождался, пока последнее неуловимое эхо растворится в клубящихся выдохах кальянов, в шепотках случайных посетителей бара, в наступающем за окном сентябре и рокоте далекой трассы. Я не свела с него глаз.

— Неписи — это не существа, это программы, профессионально выполняющие предназначенный для них набор действий. Могут быть кем угодно — бизнесменами, поварами, поэтами, водителями троллейбусов, финансовыми аналитиками, троллями в интернете, даже нищими или ворами. Судьба неписи predetermined, ему не нужно мучиться с выбором и что-то решать. Все сложится легко, и, что самое главное, непись будет ощущать себя живым игроком.

— Но это несправедливо...

— Почему же несправедливо? Как раз наоборот. Быть неписью легко: знай свое дело и получай вознаграждение. В то время как игроки проходят жизненные уроки, наращивают скиллы, повышают уровни. Или не проходят и не повышают...

— Получается, если ты родился неписью, то поменять уже ничего нельзя?

На этот раз бродяга молчал так долго, что я решила, что разговор окончен и подошло время выхода из игры. Но стоило шелхнуть — две кружки дымящегося зелья плюхнулись на стол. Одна из них, пахнущая

апельсином и мятой, тягуче запела «A Kind of Magic». Вторая высыпала на стол карты Таро.

— Для неписи ты задаешь довольно странные вопросы. — Бродяга взял одну из карт и придвинул ко мне. — Это звезда, в прямом положении означает духовность и творчество, а еще дарит надежду.

Подождав несколько секунд, он добавил:

— Разумеется, это аванс. Чтобы что-то изменить, нужно стать настоящим героем.

НЕПИСИ

Володька ваш — непись,
 лицо зловердное, редкостное хамло;
 в полтретьего пьянствовал на вокзале —
 еле отмазали;
 пазл, говорил, сложился,
 схлопнулся бензобак.
 ПАЗик свой к лешему бросил,
 до Нового пешим лóсался²,
 лясы точил с неизвестным селу лицом —
 песенку отщепенец впаривал.

А Маринка его — что ли, лучше?
 Тошная краля, к тому же крашенная,
 шмотки всякий раз новые,
 говорит, мол, хэнд-мэйд,
 а деньги откуда ль?
 Всю ночь электричество жжет, не экономит,
 играет инди,
 и весь Инстаграм в куклах вуду —
 сама видала.

Да ладно тебе заливать, вот Диана —
 на каждой неделе в городе зависает:
 хахаль у ней москвич да хахаль замкадыш,
 первый криповый³ и пьющий,
 второй дважды женатый,

---

2 Лóсаться — передвигаться быстро или беспорядочно, мотаться, носиться; слоняться, шляться. (Словарь вологодских говоров.)

3 Крипóвый — на сленге: стремный, страшный.

а она никого не любит —
прошмандовка она и непись.

Ну а кто же сейчас не непись?
Вот и я, например, такая:
завистью изошлась —
до мозолей сердце стерла
и от ревности безысходной
неживую себя пустила
рисковать, становясь живою.

Вот и ты точно так сможешь.

ПРОСТО ИГРА

Выпавшая карта оказалась «подорожником» — проездным на Питерское метро. Это значило — настал мой черед уезжать из города «насовсем». Твоя очередь ухаживать за Ромочкой. Ему почти семь, и он хочет кораблик, шоколад и тираннозавра. Ты, неделю проездивший блаблакаром, смотришь на меня с завистью. А я согласна на что угодно, лишь бы не лезть на воздушный шар, не трогать руками деревья и не смотреть, как новенький палантин наматывается на облака. Я чертовски боюсь высоты. Зато, в отличие от тебя, не боюсь динозавров.

Вот сейчас подойду к самому огромному и зеленому и скажу ему все, что думаю об отечественной медицине и ее современных методиках. У каждой семьи своя психосоматика, свое бессознательное и свой лечащий врач. Наш вздумал лечить психические расстройства Игрой.

Я луплю игрушечным динозавром по уродливой лапе динозавроподобного, брызгаю во все стороны шоколадом, купленным у метро, и рву в клочья обратный билет на теплоходик. «Мама меня обманула! Он ненастоящий!» — горечь разочарования обжигает меня изнутри. «Мама пошутила, — я пытаюсь себя успокоить. — Ромочка, это просто Игра». «Ты врешь!» — я бью себя по руке и размазываю по щекам слезы.

«Я больше не могу!» — кричу в наступающую темноту, скрывающую в себе чьи-то голоса и лица. «Не могу!» — прижимаю к себе игрушечного динозавра и ложусь на пол, ожидая, когда пройдет приступ. Как ни странно, охрана меня не задерживает, и через неделю мы снова встречаемся за игровым столом.

«Доктор сказал, динамика положительная, — ты улыбаешься, несмотря на бледный вид, приобретенный в ходе палеонтологической экспедиции. — Скоро станет легче. Смотри: я привез коготь Ти-рекса».

«Спасибо, любимый!» — я не глядя беру карту, уже зная, что на ней нарисовано.

В этой игре нет правил, кроме одного: пока мы играем, Ромочка будет счастлив. Это значит, я влезу в корзину, сплетенную из заклинаний и лозы, и не буду закрывать глаза до тех пор, пока оранжевый шар полностью не растворится в весеннем небе.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

— Не своей вы живете жизнью, Алексей Альбертович.

— А чьей же?..

Предсказание стиснуло его, словно неудобное пальто, сдавило грудь и горло, забилося в висках. Вдохнуть стало невозможно, и от нехватки воздуха Алексей Альбертович разом осунулся и постарел.

— Не волнуйтесь вы так, вот, вышейте.

Астролог накапал валосердина, растворяя в рюмке прошлую жизнь Алексея Альбертовича. Вот же она глядит, растопырив пальцы, губы навывкате — теща тещей. «Кудыть, говорит, собрался?» А он собрался: у подъезда Павел Константинович экипирован удочками и самогоном. Надо же отдыхать. Ирине — жене — торт купил вафельный, как любит, дочке — куклу. Удивлялся еще, зачем Оленьке чернокожий мужик понадобился. «Пап, ну ты что — телевизор не смотришь? Кино буду снимать на Оскар!» А ведь он смотрел, каждый вечер смотрел как проклятый — и не замечал.

— Алексей Альбертович, там отчетик...

— Потом, Пашка, потом. Хватит с меня отчетиков, не моя это жизнь, чужая, выдуманная. Да что же ты мотыляешься? Давай на червя, я этого червя с детства знаю!

— Что-то ты, Алексей Альбертович, сам не свой! Али не здоровы?

— Свой я, Пашка, свой! Жизнь не моя. И все этот твой астролог... с предсказаниями.

— Алексей Альбертович, да вы что? Мы ж пошутили! Это же розыгрыш, трюк! Он это всем говорит, вот и вы клюнули... Алексей Альбертович, вам плохо?

Хорошо мне, Пашка! Хорошо. Дышу наконец. Как это необыкновенно — дышать... Ивушки вокруг, камыши, кувшинки. Речка стремительная, аж кружится все. Того и гляди сунется в воду губастая морда. «Кудыть это ты запрятался?» А мне хорошо! Я счастлив!

Погружаюсь на дно, распугиваю мальков. Подводное течение мнет мне бока, полирует чешую, гладит спинку. У коряги вкусные линяющие рачки, хрустящие на зубах перловицы. Зарываюсь в ил, заглатываю черные икринки. А это что? Чую запах нездешнего лакомства. Где ты? Рассекаю воду, прицеливаюсь, щупаю усами. Вот же! Жирный извивающийся червяк! Как аппетитно изгибается! Как манит! Скорей! Хватаю его, кусаю, заглатываю. Что это? Острый предмет застревает в горле. Выплюнуть. Освободиться. Уплыть. Ничего не получается. Предмет застревает в жабрах. Неведомая сила тянет меня из воды. Слепит солнце. Нечем дышать. Страшное существо хватает меня. Встряхивает. Бьет по голове. «Какая была жизнь!» — думаю я. И умираю.

— Алексей Альбертович, нам с вами фартит! Какой карп мощный! Королевский! Закоптим, а?!

- Отпусти ты его!
- Что?!
- Отпусти, кому сказал! Он жить хочет!

Блестящая тушка скрывается в толще воды. Алексей Альбертович провожает карпа взглядом и ежится. Он и сам не заметил, что замерз. Что солнце скрылось за тучами, и накрапывает мерзкий дождик.

— Давай-ка, Пашка, выпьем по глотку! Да собираться. Дома нас ждут, любимые ждут, свои.

КУКЛЯ

Синдром второстепенного персонажа открылся у Леночки в детском садике, когда голубоглазую Мальвину отдали Катюше — обладательнице белокурых кудряшек и лилового в кружевах платышка. Фотограф четко обозначил позицию «куклу самой красивой девочке», воспитательница послушалась, всучив Леночке утешительного медведя, а обещанная птичка оказалась вспышкой слепящего света, озарившей изумленный ротик и глаза, полные слез.

«Я так не играю, — уже в школе говорила Катюша, тасуя неудачно выпавшие карты. — Я рождена побеждать!» Леночке победа не полагалась, зато полагалась двойная порция тестов по английскому, ведь Катюша в английском не сильна, зато, в отличие от Леночки, умеет знакомиться с мальчиками.

«Ты не переживай, — говорила Катюша. — Мы потом все вместе пойдем гулять! Главное — бирюзовое платье не надевай, лучше то — серенькое!»

И Леночка надевала серенькое,
пекла вкусненькое,
заканчивала второе высшее,
вязала шарфы и кофты,
собирала автографы, монографии,
шедевры кинематографа,
вытирала Катюшке слезки, дарила серьги,

писала в Whatsapp и Messenger —
преображая минусы второстепенного
персонажа

в нестигаемый нрав главного антагониста.

«Да что же это такое! — кричала Катюша, обращаясь к новенькому айфону. — Что ты со мной делаешь?»

«Отвечаю», — сказала Леночка, забирая айфон и ответственность, набирая смс и теряя при этом совесть. Повинуясь Леночкиному воображению, осуществлялась Катюшкина реальность: ссоры сменялись примирениями, нежные переписки скандалами, страстные встречи расставаниями. Катюшка теряла нервы и красоту, превращаясь в экзальгированную особу с потрепанной внешностью и скверным характером, и в конце концов растворилась в тени своей подруги.

«Я устала. Научи меня проигрывать», — однажды взмолилась Катюша, протягивая дремавшую в коробке на антресолях голубоглазую Мальвину. Тогда Леночка сжалась и выдала Катюшу замуж за человека, умеющего превращать любую женщину в красавицу с помощью искусно расставленного света.

«Сейчас вылетит птичка», — подмигнул фотограф Леночке и пригласил ее танцевать.

Леночка подмигнула в ответ — на веки вечные останется кукла у самой умной девочки.

ПРИНЦИП МЕНЬШЕГО ЗЛА

— Это называется принцип меньшего зла, — объясняла Наташа, — лучше плохо сделать домашнее задание, чем не делать вообще.

— Зачем же делать задание плохо? — Настя с недоумением уставилась на сестру. — Это ведь так приятно, когда домашка сделана хорошо и учительница ставит в дневник пятерку.

— Приятно, конечно, но в жизни есть и другие заманчивые вещи. Скажем, захочется тебе посмотреть «Маленькую ведьму» или пойти гулять с Лешей из пятого «Б».

— Не захочется, — отрезала Настя, однако слушать начала с удвоенным интересом.

— Значит, захочется покататься на каруселях или пойти к Верочке — ей как раз щенка далматинца привезли, а у тебя математика не готова. Что сделаешь в таком случае?

— Быстренько решу математику.

— Правильно. Быстренько, поспешно, невнимательно, но тем не менее решишь, а если в школе тебя на следующий день спросят, то двойку ты уже не получишь.

— Но и пятерку не получу.

— Пятерка зависит от твоего везения, это правда. Но, скажем, четверку можно получить сравнительно легко, а уж тройку — ту в любом случае поставят.

Настя задумалась — так и впрямь получалось гораздо легче. Не нужно столько усилий

прикладывать, чтобы делать задания лучше всех. Не нужно через голову прыгать, живи себе и живи — на троечку.

Вот она и приучилась — вслед за сестрой — спустя рукава все дела делать. После девятого класса в училище пошла, за однокурсника замуж вышла. Работать устроилась в магазин «Пятерочка», в котором Наташа уже несколько лет трудилась кассиром.

Одно лишь несчастье: не ладилась у старшей сестры личная жизнь, и та начала постоянно капать на нервы. Все чаще после смены в магазине задерживалась, говорила, муж пьет так, что дома сидеть невыносимо. Однажды и вовсе подсобку для хранения овощей слезами залила. Не хочу, мол, жить с этим неудачником — и все тут.

— Терпи ради детей. — Настя строго посмотрела на сестру. — Или ты хочешь, чтобы они росли без отца?

— Не хочу! Но разве это можно назвать жизнью?

— Нет. — Настя вздохнула, удивляясь, что сестра отказывается понимать очевидные вещи. — Это называется принцип меньшего зла.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Среди девочек, рождавшихся в девяностые,
похожих на куклу Барби,
влюбленных в Луку Барбаросса,
росли
Марианна, собирающая жуков,
Жанна, читавшая книги для взрослых,
и Александр Михайлович Иванов,
раз за разом изобретавший машину времени.

«Ты же помнишь приставку Dendy,
вкладыши Turbo, Yuri и Juicy Fruit?
Вот туда нас отвези!»

И рассекает время авто из Lego,
и тамагочи снова живет на даче —
божьей коровкой в Сашинем кулаке,
папиной книжкой, спрятанной под матрасом, —
сколько ни ждал девочек возле школы,
так и не выменял, глупый,
на поцелуй.

МАМА

Мама моя — инженер, изучала водоснабжение —
карандаши, чертежи, наглаженные рубашки —
по специальности ровно год.

А потом — девяносто первый,
и кто говорит о работе,
когда и страна пропала в небытии.

Мама моя — кружевница: белые лошади,
цветущие орхидеи, птицы,
летающие в объединенную Германию.

Кто говорит о зрении,
когда дочери три и ей снятся
летучие корабли, крыши Стокгольма
и Изумрудный город.

Мама моя — хореограф,
полководец танцующих второклассников
ко Дню Победы и Дню учителя.

Днем ритмика, вечером шейпинг —
кассетный магнитофон, родинка Синди Кроуфорд.

Кто говорит о детях, росших в дефолт:
мама моя — принцесса,

платье из тюля, корона из мишуры —
открытку от Деда Мороза

графическим почерком растерянно
подписала.

БЕЛЫЕ ПАРУСА. ЧЕРНОЕ МОРЕ

Очки у дяди Вани были совершенно кошачьи — круглые и зеленые, для пущего сходства подклеенные изолентой. Короткий рукав летней рубахи являл миру поплывший от времени рыбий хвост. На голени красовался белесый шрам, оставшийся от когтей амурского тигра. А главное — у дяди Вани была гитара. И если все встречавшиеся в то время гитары носили банты, дяди Ванин уж точно был самый красивый.

— Полный вперед! — объявлял он, выходя из подъезда. И все окрестные бабульки тотчас же принимались на пироги зазывать. Вот только на чужие пироги дядя Ваня не велся, сам пек и местных ребятишек подкармливал. Особенно хорошо удавались рыбники. Их тетя Катя пуще прочих любила, вот он и старался. Говорил еще:

— Палтуса давай, а то уж больно красота моя стала костлява!

— Ты ж, старый, небось, как всегда, с гитарой уснул, — смеялась тетя Катя да календарь настенный вешала.

Вот как у них водилось — две тысячи третий год, значит, белые паруса, черное море.

Сама тетя Катя вышивкой увлекалась, могла и осьминога, и медузу, и мавку какую вышить. Говорила еще, что изнаночная лицевой главней — всю правду о человеке показывает. Говорила: как стежок шьешь — так

и замуж пойдешь. Говорила: чужие дети, зато внуки свои.

И Маринушка своя. Даром что в самый темный час приехала — сумеречная дяди Ванина дочка. Все к тюрьме городской бегала. По ночам от любви кричала, не ела ни черта. Тетя Катя уж ей и щи, и кулебяку, и шарлотку с яблоками — ни в какую. Умом ехала девка, лицом темнела. Думали, сгинет. Ан нет.

Пришла однажды расфуфыренная как павлин и говорит: «Рыбников хочу папиных!» Ну, дядя Ваня рад был стараться. Тесто замесил, начинки целую гору. В палтуса она ножовку и спрятала. В газетах писали — побег, мол, из городской тюрьмы, покушение на сотрудников, сообщница в розыске. Словом, так метко Маринушку расписали, что дядю Ваню удар хватил. Отпели его потом по всем статьям, как полагается, заодно и хвост — как выяснилось, русалочий — отпели.

Маринушка потом крашенная вернулась, почувяла, как пришло время квартиру оформлять. Ваня-то с Катей по-простому, без росписи жили, все думали: зачем роспись, коль внуки свои? Так Катя в монастыре оказалась.

Маринушка, впрочем, тоже не больно праздновала — года не прошло, как у ней в животе нашлась та самая ножовка, что была в рыбнике. Тетя Катя на поминки приехала, говорит, вещи нужно забрать. А сама только настенный календарь и забрала. Белые паруса были на том календаре, черное море.

АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА И МОРЕ

В воскресенье Алевтина Павловна почувствовала легкое недомогание и позвонила любезному другу Иннокентию Юрьевичу.

— Иннокентий Юрьевич, — несколько смущаясь, проговорила пожилая женщина в трубку, комкая цветастый шейный платок, — не могли бы вы навестить меня вечером?

Любезный друг смущенно закашлялся и чем-то напряженно зашуршал, должно быть, газетой.

— Алевтинушка, — нежно произнес Иннокентий Юрьевич, — мы же ведь только что с вами виделись, вы, должно быть, запамятовали? В четверг ходили в театр на новую интерпретацию Лермонтова.

— Да, но...

— И за два дня перед тем сидели в кофейне на Цветном, помните, рядом с нами прятался маленький динамик — пела виолончель, вы говорили, изумительно.

— Иннокентий Юрьевич, — робко перебила его пожилая женщина, — в кофейне мы были в начале месяца.

— Да?! — любезный друг снова смущенно зашуршал. — Ах, Алевтинушка, старею, путаться стал. Но спектакль же точно был в четверг, стало быть, всего-навсего два дня прошло.

— Видите ли, Иннокентий Юрьевич, мне с вами нужно поговорить об одном неотложном деле.

— Алевтинушка, дорогая моя, но у меня же шахматный клуб! А об этом неотложном мы непременно, стало быть, поговорим, но, ради бога, давайте, как планировали, в следующую субботу?

— В субботу? — робко переспросила Алевтина Павловна и украдкой смахнула слезинку, притаившуюся в уголке глаза. Волнуясь, что Иннокентий Юрьевич — тонкая душа — невиданным образом почует этот невинный жест и растревожится, Алевтина Павловна так сильно скрутила платок руками, что нечаянно порвала на две половины.

— В субботу, дорогая, непременно в субботу! Но вы знаете, в честь нашей давней дружбы предлагаю поговорить сейчас, по телефону.

Выходит, Иннокентий Юрьевич и впрямь был смущен ее поведением, раз согласился поговорить по телефону. Но горечь по поводу порванного платка, подаренного любезным другом еще в две тысячи пятом, так жжала горло, что она и слова вымолвить не могла.

— В субботу, Иннокентий Юрьевич, я вам все расскажу. Удачи вам в шахматном клубе.

Алевтина Павловна опустила на пол рядом с телефоном. Невысказанные слова теснились в груди, и оттого дышать было

тяжело. Остатки смелости прозрачными солеными каплями вытекали из серо-голубых глаз, и, прижав к себе лоскутки, пожилая женщина тихо всхлипывала.

«Переезжайте ко мне жить, Иннокентий Юрьевич», — бормотала она себе под нос, чувствуя, что никогда ей не хватит отваги произнести заветную фразу вслух. Сколько же лет они так с ним встречаются? Около пятнадцати? У обоих — ни семьи, ни детей. В молодости все казалось — успеется, важнее карьеру сделать, диссертацию защитить. А потом ее и замуж звать перестали. Алевтина Павловна с трудом встала с пола и заковыляла в гостиную.

Там она несколько раз недоуменно огляделась по сторонам, пытаясь определить, что именно переменялось в комнате. Казалось бы, все вещи покоятся на привычных, годами не меняющихся местах, и все же, пока она разговаривала с Иннокентием Юрьевичем, в гостиной появилось нечто новое. Совсем растерявшись, Алевтина Павловна надела очки, которые обычно носила на улице, и только тогда увидела его.

Прямо на вязаной вручную скатерти, покрывавшей круглый журнальный столик, прислонившись спиной к щербатой чашке, сидел голенький глиняный мальчик. Сделан он был так искусно, что казался живым. Алевтина Павловна подошла ближе, не веря своим глазам, не понимая, откуда в ее квартире могло взяться такое чудо. Она нагнулась

к игрушке, чтобы рассмотреть выражение лица, и в ужасе отшатнулась — на ангельском детском личике отсутствовали губы, а глаза выражали такую боль и отчаянье, что волосы вставали дыбом. На глиняных висках выступали тоненькие голубые жилки, и было видно, что они пульсируют.

— Как же это, почему? — растерянно спросила сама у себя Алевтина Павловна и поправила очки, съехавшие на кончик носа.

Неожиданно она заметила, что мальчик внимательно ее разглядывает. К выражению отчаянья в голубых глазах добавилось нечто новое — ледяной упрек. Алевтина Павловна поежилась: ей стало тревожно и неловко под этим взглядом; она попыталась отвернуться, но не смогла: эти глаза приковывали ее к себе, погружая в волны осуждения и ненависти.

«Да ведь я сама его сделала!» — ни с того ни с сего вспомнила Алевтина Павловна.

Много лет назад, в юности, когда она ходила в художественную школу, на одном из занятий делали кукол. Ах, как не по душе ей были размалеванные хохочущие блондинки, что выходили из рук ее одноклассниц. Ей хотелось слепить необыкновенного мальчика — мятежника, томившегося где-то глубоко внутри и рвущегося на свободу. А потом... Алевтину Павловну все глубже уносила волна воспоминаний. Однажды она пришла домой, и мать сказала ей, что отец больше не будет жить с ними. На все

вопросы Алевтины она лишь угрюмо молчала и смотрела в стену. А потом исчезла. Никто из знакомых не мог сказать — куда. Вот только в художественную школу Алевтина ходить перестала, и глиняный мальчик навсегда остался без губ.

«Рисуй, девочка!» — говорила Алевтине воспитывающая ее бабушка. «Рисуй, у тебя же море наружу рвется». Но Алевтина молчала, угрюмо сжимая губы, и смотрела в стену. Так она становилась похожей на мать.

Море... Рыдания сдавливали грудную клетку Алевтины Павловны, ей казалось, что глиняный мальчик шевелится, что он тянет к ней тонюсенькие паутинки ручек и силится что-то сказать несуществующими губами. Море...

Повинуясь его взгляду, Алевтина Павловна взяла лист бумаги и ручку. Ни красок, ни карандашей в ее доме не водилось. Положила листок на колено и стала выводить чернильные волны. Да разве же это море? Первоклассницы рисуют лучше. Она посмотрела на куклу. Мальчик с глазами революционера переместился на край стола и теперь смотрел вниз, изучая, что же это такое Алевтина Павловна рисует. Он недовольно сморщился: «Совсем не похоже на море».

«И впрямь не похоже!» — Алевтина Павловна знала это. Хотя ни разу за всю свою жизнь на море не была. Она, кряхтя, встала и еще раз внимательно взгляделась в глиняное лицо. «Я создам для тебя море, но спер-

ва нужна лодка». Пожилая женщина взяла мальчика в руки и заглянула на кухню за маленькой деревянной хлебницей. Затем прошла в ванную комнату, медленно разделась, оставив лишь очки и медный крестик, легла в ванную и открыла краны. Вода полилась сильной струей и стала быстро заполнять маленький чугунный бассейн.

«Гораздо лучше!» — решила Алевтина Павловна и посадила глиняного мальчика в лодку. Вода поднималась все выше. Воспоминания теснились в ее груди, не давая вздохнуть, а вода была такой успокаивающе теплой, как объятия близкого человека. Человек по имени Море обнял ее сильными руками, поцеловал теплыми, нежными губами, открыл ей всю глубину своего сердца. Море наружу рвется, изнутри плещется. Алевтина Павловна подождала, пока наберется побольше воды, закрыла глаза и легла на дно.

Когда соседи снизу вызвали МЧС и взломали дверь, Алевтина Павловна была уже мертва. В воде обнаружили два цветных лоскутка, бывших когда-то шейным платком, потерпевшую кораблекрушение хлебницу и маленького глиняного мальчика. Вода смыла следы отчаянья и ненависти с детского лица, ангельский взгляд выражал безмятежность и свободу.

МАРТЫШКА

Анатолий Анатольевич всегда ходил домой по одному и тому же пути. Каждый день он заканчивал работу ровно в шесть часов вечера, выключал компьютер, убирал в верхний ящик стола бумаги, менял офисные туфли на уличные, надевал пальто и выключал свет.

Анатолий Анатольевич не любил слушать музыку, да и звуки вечерней Москвы были ему безразличны. Единственное, к чему он прислушивался — его собственные шаги, неразличимые в гуле городских улиц и в то же время заполнявшие собой все существование Анатолия Анатольевича на пути от офиса до квартиры, ровно тридцать пять минут четких размеренных шагов.

Но сегодня все было по-другому. Руку, механически повернувшую ключ на два с половиной оборота, лизнул дерзкий язычок ноябрьского ветра. Другой язычок оттопырил воротник пальто, и колючие бусинки града скагались вниз по безвольной шее, чтобы противно таять на сутулой спине Анатолия Анатольевича. Пренеприятное ощущение мокрого пятна где-то в районе лопаток никак не давало Анатолию Анатольевичу сосредоточиться на счете шагов. В голове настырной маргышкой заскреблась мысль: «Испекла ли Надежда Николаевна сегодня печеночный торт?» Когда они с Надеждой

Николаевной подавали заявление в ЗАГС, та обещала печь ему печеночный торт каждую пятницу. Но вот уже которую пятницу подряд Анатолий Анатольевич приходит домой, а дома нет ни печеночного торта, ни Надежды Николаевны. Не заварен чай с лимоном и имбирем, никто не спрашивает: «Как прошел день, Анатолий Анатольевич?» По пятницам у Надежды Николаевны теперь йога, и когда она возвращается домой, Анатолий Анатольевич дремлет на диване в гостиной.

Ветер подул сильнее, и мартышка в голове оживилась: «Сколько уже пятниц, Анатолий Анатольевич, твоя жена не спрашивает, как прошел твой день? И не только она... Никто не спрашивает».

Анатолий Анатольевич поежился и огляделся по сторонам. По левую руку — гудящая очередь машин. По правую — однообразные витрины бутиков, переполненные кофейни, жадные окна банков. Среди ярко освещенных, блестящих неоновыми огнями вывесок лишь одна выглядела совершенно невзрачно. Однако, по воле неожиданно разгулявшегося ноябрьского ветра, Анатолий Анатольевич остановился прямо напротив нее. Зоомагазин «Бурая мартышка» — гласила надпись.

«На минутку погреюсь», — решил Анатолий Анатольевич и потянул дверь на себя, чтобы оказаться в тускло освещенном, вытянутом вглубь помещении. «Будто в тулови-

ще чьем...» — мелькнуло в голове у Анатолия Анатольевича. Когда он входил, холодно звякнул медный китайский колокольчик, однако продавца видно не было. Анатолий Анатольевич шумно втянул ноздрями воздух, густо пахнувший собачьим кормом, и огляделся. Большую часть магазина занимали полки, заставленные баночками с витаминами и игрушками для животных. Вдоль одной из стен теснился ряд аквариумов с меланхолично плавающими рыбками, стояли клетки со спящими морскими свинками и одной роющейся в песке декоративной крысой. Словом, абсолютно ничего интересного. Анатолий Анатольевич совсем уже было собрался покинуть магазин, как что-то привлекло его внимание.

Подозрительный шорох из незамеченного ранее закутка магазина просто звал Анатолия Анатольевича взглянуть, что же там происходит. Он несколько помедлил, просто в силу своего темперамента, затем поддался любопытству. В закутке, за стройными рядами банок с собачьим кормом, в слишком маленькой для нее клетке сидела мартышка. Анатолий Анатольевич скользнул взглядом по длинному пушистому хвосту, обвивавшему декоративную ветку, по лапам — мартышка то и дело принималась что-то вычесывать из своей шерсти, по светло-коричневому круглому брюшку. «Нет, не то. Не то!» — думалось Анатолию Анатольевичу, хотя он сам до конца не понимал, что и почему именно

не то. Наконец он обратил свое внимание на мордочку. Мартышка как будто все время этого ждала, и прямо в глаза ему заглянула своими блестящими карими глазками, и не просто посмотрела, а будто теплым одеялом укутала, совсем не звериный-то взгляд был, а человеческий, женский даже.

— Вот ты какая, мартышка! Красавица! — Анатолий Анатольевич и не заметил, что произнес это вслух.

А мартышка голову поближе к прутьям клетки подставила, лобиком, как кошечка, ласки требующая. Ну, тут-то Анатолий Анатольевич медлить не стал и почесал ее по пушистой шерстке. Хоть вроде и боязно ему было, что цапнет сейчас или блох каких напустит, но теплый мартышкин взгляд вызвал в Анатолии Анатольевиче желание выразить тепло ответное, уж как он умеет.

— Бери обезьянка! Хороший обезьянка! — юркий чернявый хозяин магазина появился за спиной у Анатолия Анатольевича и преградил ему путь к выходу из магазина.

— Хорошая, говоришь?

— Волшебная! Бери, недорого отдам! За десять тысяч всего! Переноска в подарок будет!

Анатолий Анатольевич потянулся к кошельку, в котором лежала кредитка.

— А кушает-то что она?

— Она все кушает. Банан кушает, каша, фрукт!

Анатолий Анатольевич расплатился и с сумкой-переноской на плече вышел

из зоомагазина, и пошел дальше, насвистывая. По пути зашел в «Перекресток», купил бананов и почему-то бутылку водки. Каким образом дотянулась мартышка своим взглядом до закоулков души, хранящих в себе русскую тоску Анатолия Анатольевича, было непонятно, но выпить хотелось.

На улице на Анатолия Анатольевича посматривали, но сильно не пялились. В Москве люди привыкли не удивляться, увидев пляшущих посреди площади индейцев, — не то что мартышек в сумках. Обезьянка только почесывалась, но никаких посторонних звуков не издавала. Так, без происшествий, они добрались до дома. Анатолий Анатольевич закрыл дверь на ключ и, аккуратно открыв переноску, быстро обошел все комнаты.

Жены дома не было. Да и холодильник был пуст, если не считать кастрюльки с овощным бульоном и пары бутылок кефира. Анатолий Анатольевич скривился и вернулся в прихожую. Мартышка все еще сидела в сумке.

— Ну, что ты сидишь? Вылезай, осваивайся, почувствуй себя как дома!

Обезьянка как будто поняла. Почесалась, с утвердительной интонацией фыркнула и ловкими скачками переместилась в гостиную, где тут же забралась на стул с высокой спинкой.

Анатолий Анатольевич на автопилоте переоделся в домашнее, помыл руки, затем

подхватил пакет с бананами и водкой, взял две стопки и вернулся обратно в гостиную. Обезьянка, сидевшая на этажерке, при виде Анатолия Анатольевича тут же вернулась на стул, выпятила толстые коричневые губы и снова взглянула таким же небывало человеческим, почти женским взглядом, как и в зоомагазине.

— Ты это... — Анатолий Анатольевич кашлянул. — Бросай так на меня смотреть, я ведь и влюбиться могу, — он хихикнул. Затем разлил водку по стопочкам. — Я в одиночестве не могу пить, Мартыш, ты уж будь другом, составь компанию. Вот, держи банан.

Анатолий Анатольевич протянул один банан мартышке и теперь с удовольствием наблюдал, как она его ловко чистит.

— Хорошая обезьянка.

Анатолий Анатольевич одним глотком осушил стопку водки, сморщился и занюхал бананом.

Горячий комок мягко сполз от глотки в желудок, затем приятно растекся по всему телу. Анатолий Анатольевич налил себе еще стопку и тут же выпил.

— Ты будешь?

Ему показалось, или обезьянка и впрямь кивнула пушистой головой? Однако, тут же она совершила ряд совсем неожиданных действий, а именно: схватила лапой стопку, осушила одним глотком и занюхала банановой шкуркой.

Анатолий Анатольевич от неожиданности икнул и налил себе еще стопку. Он чувствовал, что пьянеет на глазах, но уже не мог остановиться.

— Как хоть звать-то тебя?

Обезьянка почесалась и что-то выкусила у себя на спине.

— Ну, кажись, не говорящая. Я буду Машкой звать, не против?

Мартышка выпучила губы, потом вдруг наклонила голову набок и состроила умильную мордочку.

Анатолий Анатольевич потянул руку и почесал ее по шейке.

— Машк, ты не мурлыкаешь? Нет, да, ну ладно. Не говоришь, так ведь и мозг не выносишь, да? Иди сюда.

Он переместил мартышку к себе на колени, и та послушно села, обвив свой пушистый хвост вокруг левой ноги Анатолия Анатольевича.

— Я о тебе заботиться буду, Машк... Бананы там всякие или что ты еще любишь, а ты меня ждать будешь... С работы будешь встречать... Ужин... Да хрен бы с ним, с ужином... Ты главное — жди. Обещаешь? А вот уж я, я-то для тебя что хочешь... Хоть замуж... Хочешь замуж, Машк? Платье там, кольцо, розы? А у вас растут розы в Африке твоей? А может, гор... как там их... гор... хрензии... ик...

Мартышка смотрела человеческими понимающими глазами. Анатолий Анатольевич взял бутылку с водкой и отпил прямо из горла.

— Да я, Машк... Да я и из огня... Да я хоть душу, Машк... Просто жди.

Утром, когда Надежда Николаевна пришла домой, в квартире было пусто. Когда Анатолий Анатольевич не пришел домой ни в тот день, ни на следующий, Надежда Николаевна отправилась его искать. Она шла по тому же самому пути, по которому день за днем ходил Анатолий Анатольевич, и считала про себя шаги. С фотографией Анатолия Анатольевича в руках Надежда Николаевна заглядывала в каждый бутик, в каждый банк, в каждое офисное здание.

— Не видели?! — спрашивала она.

Нет, такого здесь не видели.

В нерешительности она замерла у невзрачной вывески зоомагазина «Бурая мартышка». «Тут-то ему точно делать нечего...» — размышляла она, но порыв ноябрьского ветра затолкнул ее внутрь.

В закутке магазина стояла большая клетка, в которой маленькая бурая мартышка что-то выкусывала на шее у обезьянки побольше. На одно мгновение Надежде Николаевне показалось, что у обезьянки человечесьи глаза. Она поежилась, плотнее закуталась в свой шарф и выбежала из магазина.

THE CONNECTION IS LOST

Тьма сгустилась в доме номер шестьдесят по улице Ленинградской, а пищу все не везли. Разбираться со службой доставки воину света Игоряше было лень. Он нажал на «Сохранить игру», снял наушники. Зевая и почесываясь, выбрался из-за стола и направился на кухню, к холодильнику. Луна, наблюдавшая за Игоряшей с подоконника, совершила гигантский прыжок через всю комнату, угодила лапами в шуршащий целлофановый пакет, взвилась в воздух, отпружинила от стены и притормозила у холодильника первая.

Молодой человек не обратил на Луну никакого внимания, сунул нос в приоткрытую дверцу и замер в растерянности. Когда он заглядывал сюда пару часов назад, еды не было, но три банки пива «Хайнекен», оставшиеся от заказанного на неделе ящика, отвлекли и развеселили Игоряшу. Теперь же дело обстояло гораздо серьезнее. Воин света везде поглазел и пощупал, и даже поскребся в морозилке, проверяя, не вмерз ли какой пельмень в ледяную шубу. Заплесневевший лимон и засахарившееся облепиховое варенье он отверг, а заполненную на три четверти банку «Китикета» счел съедобной. «В пиццу позвоню позже», — решил он. И, прихватив вилку, побрел обратно за комп.

— Мяв! — затревожилась Луна.

